

Редакция журнала «Русское искусство» с радостью представляет своего сегодняшнего издателя – президента Благотворительного Фонда им. П.М. Третьякова Виктора Михайловича Бехтиева, заслуженного строителя России, кавалера орденов «За заслуги перед Отечеством» и «Святого Даниила».

Он – потомственный строитель, представитель династии в третьем поколении. Прошел в родной Москве путь от рабочего-горнопроходчика до руководителя ведущей генподрядной организации. За плечами – объекты военного и жилищного строительства, а главное – культуры. В их числе Детский музыкальный театр им. Н.И. Сац, Камерный музыкальный театр им. Б.А. Покровского, Театр драмы и комедии на Таганке, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Государственная Третьяковская галерея. Кто знает, может быть, возведение именно этих объектов и судьбоносные встречи с деятелями культуры подвигли Виктора Михайловича на меценатство и уже в этой ипостаси трудиться для блага Отечества.

«КОГДА ОГОНЬ КИПИТ В КРОВИ»

Елена Бехтиева

Такой поэтической лермонтовской строкой озаглавила я посвящение мужу. Поводом к откровению послужила серьезная дата – 60-летие со дня рождения, из них 38 лет мы идем по жизни рука об руку. Как много вместили эти годы! Они были до краев наполнены работой, нелегкой, буднично-изнурительной и лишь изредка незабываемо прекрасной. О трех этапах жизненного пути я кратко расскажу сегодня читателю и с любовью напомним дорожному мне человеку.

Детский музыкальный театр на проспекте Вернадского (первый и тогда единственный в мире) строился пять лет. Наталия Ильинична Сац, его создатель и художественный руководитель, зная плановую дату ввода здания в эксплуатацию – 7 октября 1979 года, заранее оповестила об этом своих зарубежных коллег. Ей было невдомек, что в строительном управлении № 5 треста «Мосжилстрой», осуществлявшего генподрядные работы, без конца менялись начальники, а такое положение ставило под угрозу своевременную и качественную сдачу объекта.

Виктор Михайлович был назначен начальником СУ-5 в марте 1979 года, его буквально бросили на прорыв в последний, самый авральный и ответственный момент строительства Детского музыкального театра. Рассказ о работе в три смены на пределе человеческих сил, о питании бутербродами (в лучшем случае – с чаем и супом в термосе), о продуваемых спецовках и промокших ногах вряд ли будет интересен читателю. Поэтому предложу вашему вниманию духоподъемную историю, известную лишь ограниченному кругу лиц.

Московский Государственный Академический детский музыкальный театр имени Н.И. Сац.

Синяя птица. Бронза. Скульптор Вячеслав Клыков

Венцом делу, знаменем окончания всех работ по сооружению Детского музыкального театра должна была стать Синяя птица, вернее, ее бронзовая скульптура с громадным размахом крыльев и весом полторы тонны, выполненная скульптором Вячеславом Клыковым. По замыслу Сац, птица должна взлететь над куполом театра и застыть там, олицетворяя детскую мечту о счастье.

Для Наталии Ильиничны это был не только прекрасный символ, знакомый каждому из нас по пьесе М. Метерлинка «Синяя птица». Это был еще и поклон отцу – композитору Илье Александровичу Сацу, написавшему музыку к спектаклю «Синяя птица», которую любил и высоко ценил «величайший артист и режиссер мира» К.С. Станиславский. Эта пьеса-сказка была одной из первых и самых успешных постановок Московского Художественного театра. «Спектакль называли гениальным, его с огромной радостью смотрели дети и взрослые, им восхищались величайшие С.В. Рахманинов и Ф.И. Шаляпин, – вспоминала позднее Наталия Ильинична, – ну а для меня он оказался тем зерном, из которого потом поползли незримые, но действенные ростки мечты о многом-многом, чего не скажешь словами, вероятно, о том театре, который так нужен детям, о большом искусстве для маленьких».

Осуществить монтаж птицы логично было при помощи подъемного башенного крана. Однако инженерные расчеты показали, что имеющаяся в распоряжении строительная техника подобных нагрузок не выдержит. Запросили вертолетчиков, но названная ими сумма оказалась ошеломляющей... Что делать? Положиться на русский авось, сказать себе в безвыходной ситуации, что «риск – благородное дело», даже если рискуешь своей головой и жизнью опытного рабочего-крановщика?

Увы! Другой альтернативы тогда просто не было. Нарастили стрелу подъемного крана, увеличили тяжесть противовесов на аутригерах и, вероятно, сделали еще что-то специфическое, что годы стерли из моей гуманитарной памяти. Но одно обстоятельство точно не изгладилось из нее. Это разговор с крановщиком, которому предстояло поднять зашкаливающе рискованный груз. «На каких условиях ты согласен?» – спросил Виктор Михайлович, тогда 26-летний инженер-строитель. «Да ладно, Михалыч, – ответил работяга, – бутылку поставишь, и мы в расчете». И все показалось сразу таким простым и возможным, что незамедлительно приступили к делу.

Птицу подняли с земли, завели над зданием, нацелились на заранее определенные для установки параметры, и вдруг, словно востроившись, она начала раскачиваться. Стрела подъемного крана оказалась подвластной волнению бесценного груза и тоже заколебалась из стороны в сторону. Страшнее всего, что закачался сам кран и, теряя устойчивость, наклонился вперед, утрачивая равновесие. Все в ужасе замерли... Однако в следующий момент, будто испытав людей и технику на прочность, птица села именно на то место, которое было для нее предусмотрено. Все ликовали, но более других Наталия Ильинична Сац. Она приехала вечером и, забравшись на крышу уже при свете прожекторов, бросилась к бронзовой скульптуре, обняла ее и прокричала: «Папа, я поймала Синюю птицу!»

Зрителями и слушателями первого представления в Детском музыкальном театре были строители. Конечно, Наталия Ильинична не знала обо всех трудностях и рисках, случившихся на стройплощадке. Но она видела сплоченную профессиональную команду,

способную решить поставленную задачу, и была благодарна за это простому рабочему люду. В последней главе книги «Новеллы моей жизни», сданной в печать еще до окончания строительства, Сац писала: «На стройке бываю часто, интересуется (и не может быть иначе!) каждая деталь будущего здания. В искусстве мелочей нет, в архитектуре особенно. Когда шумят трехтонки, которые подвозят железобетонные плиты, стекло, кирпич для нашего театра, когда работают подъемные краны – испытываю блаженство. И шум этот мне «слаще, чем звуки Моцарта», музыка которого тоже обязательно зазвучит в нашем новом здании».

На авантитуле той же книги в дарственной надписи, адресованной Виктору Михайловичу, будут слова: «На память о нашей большой совместной работе по строительству Московского Государственного Детского Музыкального театра. Наш театр стал одной из достопримечательностей Москвы. Это – наша общая с Вами гордость. Спасибо за вдохновенный труд».

Другим, вошедшим в нашу семейную жизнь объектом культуры, стал Камерный музыкальный театр. С его творцом – выдающимся режиссером, «оперным Микеланджело» Борисом Александровичем Покровским нас познакомил Лев Моисеевич Оссовский, верный помощник, директор и главный дирижер театра. Тогда Камерный театр еще располагался в подвале на «Соколе», и все мечтали перебраться на Никольскую улицу, в то самое помещение, откуда выехал на проспект Вернадского Детский музыкальный театр («бывают странные сближенья!»).

Помню первую встречу и смущение от близости гения, объявшаю нас энергией доброты и воли Покровского, мечтавшего сотворить оперу, которая, по его мнению, была непозволительна для постановки в Большом академическом, дерзкие обещания мужа осуществить реконструкцию здания для Камерного театра. Скажу откровенно: слушая его, я испытывала неловкость от утопичности этих победных реляций. Ведь строительное управление имело одновременно десятки сооружаемых объектов, многие из которых были сдаточными. Театры, в отличие от жилых быстровозводимых зданий, считались для руководства нежеланными, заметно осложнявшими и сроки сдачи, и финансовую отчетность. К тому же близилось к завершению оформление нашей заграничной командировки.

При прощании Покровский, то ли подзадоривая Бехтиева, то ли проецируя на житейскую ситуацию один из методов почитаемой им системы Станиславского, сказал: «Говори-

те, что справитесь, – не верю!» Опровергнуть неверие маэстро стало задачей Виктора Михайловича, пусть отдаленной, но все же решенной в месяц и год его сорокалетия.

В ноябре 1993 года театр был практически готов, оставались лишь незначительные отделочные штрихи. И тут, как всегда внезапно в нашей действительности, обрушился форс-мажор. 22 декабря случился пожар! Возгорание произошло не в здании театра и не в соседнем с ним ресторане «Славянский базар», прославленном посещением выдающихся деятелей культуры Станиславского и Немировича-Данченко, принявших здесь за столиком решение о создании Художественного Общедоступного театра (МХТ). Пожар случился на маленьком клочке последнего этажа, который занимал какой-то кооператив, не имевший отношения ни к одному из этих исторических мест, но разом их погубивший. Полным абсурдом было и то, что с огнем не могли справиться с 2 часов ночи до 10 утра. Приехавшие по вызову пожарные сначала спасали имущество из ресторанных подвалов, затем долго раскручивали шланги, потом не подключалась вода, а в конце концов все оказалось залито настолько, будто и вовсе не существовало.

Таким потерянным, как в тот страшный день, я не видела мужа никогда больше. Что уж говорить о Борисе Александровиче и Лье Моисеевиче, которым в ту пору на двоих было 150 лет! Почва уходила из-под ног... Все казалось бессмысленным и утраченным навсегда. Раньше других от удара судьбы оправился самый молодой из друзей по несчастью, Виктор Михайлович, и пообещал, что восстановит театр. «Я Вам верю!» – на этот раз сказал Покровский. Прошло почти четыре года...

На открытие Московского государственного академического Камерного музыкального театра 3 сентября 1997 года Покровский нарядом с Ириной Архиповой, Галиной Вишневской, Тамарой Синявской и многими выдающимися певцами, музыкантами и общественными деятелями, пригласил Президента России. Обещанное присутствие Б.Н. Ельцина потянуло за собой всю вертикаль важных персон, среди которых был и председатель Мосстройкомитета В.И. Ресин. Прочитав приглашение, Владимир Иосифович выразил свое недоумение: «Это ошибка! Театра нет, он сгорел».

Но театр был! И своим восстановлением – Бог знает, какими силами и средствами – обязан не только авторитету Бориса Александровича Покровского, мудрости Льва Моисеевича Оссовского, но и самоотверженности Виктора Михайловича Бехтиева. Это триединство возродило Камерный музыкальный театр из пепла, подобно птице Феникс.

«Прекрасным далеко» всплывает теперь то время, когда мы приглашались на все премьеры, когда оба музыкальных мэтра были живы и здоровы, а нам как «своим людям» позволялось после спектакля участвовать в обсуждении и, находясь в их кругу, приобщаться к истинной интеллигентности и высочайшей культуре. Частью этой культуры был «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», за который склоняюсь в благодарном поклоне перед литературным наследием

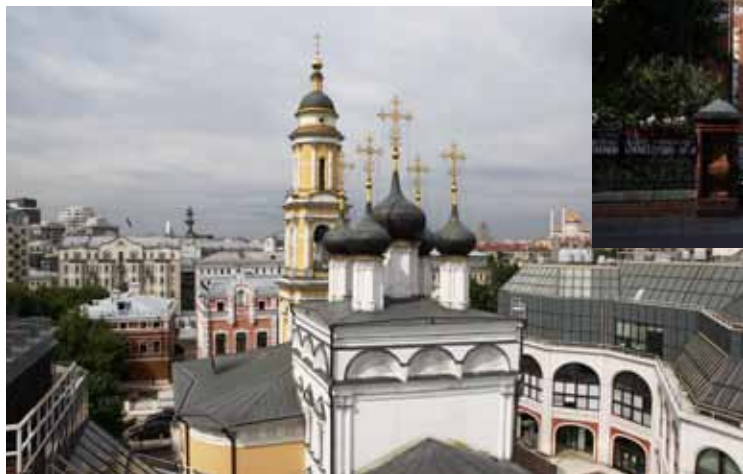
Московский государственный академический Камерный театр имени Б.А. Покровского. Фойе, вестибюль и фасад здания

Тургенева и ораторским искусством Покровского. Каждую новую оперу, поставленную на сцене Камерного театра, Борис Александрович начинал со вступительного слова. Вернее, с вдохновенной речи, где он блистал умом, эрудицией и совершенством, но при этом она оставалась абсолютно доступной, родной и понятной каждому слушателю.

Большой и по сей день делящейся любовью стала для Виктора Михайловича Третьяковская галерея. Эта связь началась в 1982 году с подготовки проектно-сметной документации и строительства здания депозитария. Тогда далеко не все понимали грандиозность замысла директора национальной галереи Юрия Константиновича Королёва, задумавшего осуществить реконструкцию всего музея. Это не был ремонт в привычном смысле слова, хотя и один только ремонт для сотысячного собрания произведений искусства – уже явление архисложное. Это была полномасштабная перестройка Третьяковской галереи, в ходе которой только для основного здания проводились разнообразные работы: укреплялись фундаменты, осуществлялось водопонижение подвала для его осушения, менялись стеклянные подвесные потолки и освещение, создавалась система вентиляции и кондиционирования воздуха, устанавливалась охранная и пожарная сигнализация. Восстанавливался храм Святителя Николая в Толмачах, прихожанами которого была семья Третьяковых. Возводился Инженерный корпус, включавший не только техническое обеспечение жизнедеятельности музея, но и конференц- и лекционный залы, оборудованные по последнему слову техники, а также трансформиру-

ющееся современное выставочное пространство. Кроме того, музей обретал сделанное по последним мировым стандартам хранилище произведений искусства – депозитарий и просторные реставрационные мастерские. Были отремонтированы старые отдельно стоящие здания Третьяковской галереи и благоустроена прилегающая территория.

Комплекс зданий Государственной Третьяковской галереи, расположенный по Лаврушинскому, Большому и Малому Толмачевским переулкам

В ходе реконструкции осуществилась заветная мечта директора галереи Королёва, художника-монументалиста, показать людям огромное декоративное панно Михаила Врубеля «Принцесса Грёза», воплотившее «общую всем художникам мечту о прекрасном» и чудесным образом обретенное музеем еще в 1956 году. Для организации зала Врубеля была задействована внутривортовая территория – последняя возможность для расширения экспозиционного пространства основного здания Третьяковской галереи. В этом событии мне видится особый, исторический смысл: свою первую музейную пристройку к жилому дому в Лаврушинском Павел Михайлович Третьяков тоже осуществил за счет улицы, вернее сада, мучительно раздумывая над тем, рубить грушевые деревья или нет. Сказав себе, что «галерея превыше всего», – решил.

После безвременной кончины начавшего реконструкцию директора ГТГ, исполняющей обязанности была назначена его заместитель по научной работе Л.И. Иовлева. Участвуя в производственном совещании, Лидия Ивановна взывала к ИТР и рабочим: «Стройте надежно и качественно – так, чтобы и ваши дети могли прийти в музей, и им не было стыдно за дело отцов». Новые обороты масштабной реконструкции придало назначение директором Третьяковской галереи В.А. Родионова, переведенного в музей из Министерства культуры РСФСР с должности заместителя министра по капитальному строительству. Вместе с ним пришел А.Н. Полатовский – работающий, верный и надежный помощник.

Памятна история, связанная с завершением реконструкции и подписанием акта приемки Третьяковской галереи Государственной

Виктор и Елена Бехтиевы после завершения реконструкции Третьяковской галереи. 1995

комиссией. Главный хранитель музея Л.И. Ромашкова, активно участвовавшая в разработке плана реконструкции, несомненно, не менее других ждала открытия галереи. Но именно она оказалась единственной из членов Госкомиссии, кто отказался подписывать акт приемки здания в эксплуатацию. Свое решение Лидия Ивановна мотивировала тем, что не во всех залах обеспечена должная температура и влажность воздуха. Расхождение с нормой составляло не более полутора процентов, а убеждения, что техническому оборудованию необходимо набрать обороты, не действовали.

Юрий Михайлович Лужков, возглавлявший штаб строительства и много сделавший как мэр Москвы для реконструкции галереи, оказался крайне раздосадован сложившейся ситуацией. Волнение нарастало, нервы у всех были на пределе. И тогда Виктор Михайлович пошел на отчаянный шаг: закрылся с Ромашковой в кабинете, положил акт на стол, а ключ в карман и сказал, что не выпустит до тех пор, пока она не поставит свою подпись. Лидия Ивановна не думала сдаваться! Повисла зловещая тишина. Лишь время от времени она сквозь зубы шептала: «Не подпишу!» Просидев полтора часа, главный хранитель не выдержала, решительно встала и, выразив свой гнев отнюдь не искусствоведческим языком, подписала бумагу.

Оглядываясь назад, а, как известно, «большое видится на расстоянии», с уверенностью скажу, что казавшаяся тогда долгой десятилетняя реконструкция Третьяковской галереи по

сегодняшним меркам и по размаху свершеного должна быть признана рекордной.

Вспомним еще, что реконструкция, завершившаяся в 1995 году, пришлось не на самое стабильное в стране время. Распался СССР, менялась государственно-политическая система, рушилась партийная и административная дисциплина, и очень многое держалось исключительно на людях, страной и партией воспитанных, их чувстве долга и взаимовыручке. Держал линию обороны и управляющий дважды орденосного треста «Мосжилстрой» Виктор Михайлович Бехтiev, который с полной ответственностью осознавал важность поставленной перед ним государственной задачи и своей нестигаемой волей, профессиональным опытом и организаторским талантом мог мобилизовать на ее решение огромный трудовой коллектив.

С юбилеем Вас, заслуженный строитель России!

Редакция журнала присоединяется к поздравлениям, желает Виктору Михайловичу здравствовать долгие годы и выражает глубокую благодарность за поддержку «Русского искусства».

Сотрудники Третьяковской галереи и региональных российских музеев признательны Виктору Михайловичу Бехтievу за учреждение для них премии имени П.М. Третьякова «За верность профессии и многолетнее служение русскому искусству», а также за организацию ежегодных декабрьских вечеров, посвященных памяти основателя музея.